

Ускользящая современность: постсоветская модернизация Азербайджана

Сергей Румянцев

Abstract

The article focuses on the debates situation of post-soviet modernization and transformation of Azerbaijan. The Azerbaijani economy failed to become a market economy, and remains instead predominantly based on the extraction and sale of oil and natural gas. Cities are being ruralised instead of the urbanization of rural areas. In its turn, industrialization ended together with the Soviet Union. A more or less tangible individualization and fragmentation of social life are not part of the history of post-Soviet Azerbaijan either. The political and economic systems of Azerbaijan are an imitation of a modern state. It is an example of a simulacrum state and a total imitation of modern political institutions and relations. In other words: *The political regime in Azerbaijan is a complex of imitative practices, relations and "institutional camouflages" that enable a broad international presentation of Azerbaijan, effectively privatized by a small group of people, as a modern state that exists in reality.*

1. Полтора века модернизаций и трансформаций

О необходимости модернизации *страны и своего народа*¹ размышляет уже не одно поколение азербайджанских интеллектуалов. Идеи о том, как «осовременить» экономические отношения или просто повседневный образ жизни, *народные* обычаи или традиции распространяются со второй половины XIX века, когда формируется немногочисленная элита из числа тюрков мусульман, получавших европейское по стилю образование². Одним из первых та-

¹ Выделение в тексте подразумевает мое скептическое отношение к такой предельно абстрактной категории как «народ». Используя это понятие, я только пытаюсь отразить идеи и надежды интеллектуалов просветителей второй половины XIX века и первого поколения азербайджанских националистов конца XIX – начала XX вв. Воспроизвожу язык на котором они говорят. Сам я предпочитаю говорить о народах и нациях как о *воображаемых сообществах* (B. Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London & New York: Verso, 1998, 5-7).

² По словам Тадеуша Светоховского: «1840-е годы стали свидетелями появления нового элемента в традиционном (мусульмане тюрки, *авт.*) обществе – подъема азербайджанского класса профессиональных бюрократов, в незначительной степени обладавших европейским образованием» (T. Swietochowski, *Russian Azerbaijan, 1905-1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, 14). В 1870-е годы второе поколение интеллигентов-мусульман, получивших европейское образование, представляло собой сплоченную группу (T. Swietochowski, *Russian Azerbaijan*, 27). Бренда Шеффер отмечает, что «эта группа оказалась под сильным влиянием Танзимата (конституционные реформы 1856-1876 гг. в Османской империи). Привлека-

ких интеллектуалов был Мирза Фатали Ахундов (1812-1878), в годы советизации Азербайджана получивший, по словам одного из его биографов писателя Чингиза Гусейнова, статус «учителя народа»³. Уже на закате советской эпохи в своем документальном романе об этом азербайджанском просветителе тот же Чингиз Гусейнов, рассуждая о попытках Ахундова «пробудить людей», обозначает его усилия как «просветительские иллюзии»⁴. После смерти Ахундова было предпринято множество попыток «научить народ» современным правилам и образу жизни. Последняя по времени попытка часто называется постсоветской. Можно ли утверждать, что и в постсоветскую эпоху попытки модернизировать или трансформировать политическую, экономическую и прочие системы отношений и институтов не были всего лишь очередными «иллюзиями», которым не суждено было реализоваться?

Как и повсюду в бывшем СССР, к 1990-1991-му годам в среде теперь уже весьма многочисленной интеллектуальной элиты, как, впрочем, и на уровне простого обывателя, вновь распространялись ощущения необходимости перемен. Потребовалась очередная модернизация страны и общества. Все прежние усилия по модернизации (в досоветский и в советский периоды), какими бы радикальными они ни казались прежде, на закате Советского союза воспринимались либо как недостаточные, либо как ошибочные или даже преступные. Идеи реконструирования экономики дополнялись надеждами на формирование современной системы политических отношений и институтов, а также контроля за ними со стороны гражданского общества. Но на этот раз стремление в очередной раз догнать эту все время ускользящую современность дополнялось установкой на *возрождение*⁵ народных обычаев и традиций (особенно связанных с исламом). Или, по-другому, декларативная установка на создание и развитие современных рыночных отношений и свободного гражданского общества парадоксальным образом сопровождала

тельность Танзимата была связана с ростом интереса к тюркским (*Turkic*) корням и укреплением тюркской идентичности» (B. Shaffer, *Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity*. Harvard: The MIT Press, 2002, 28). См. также: J. Baberowski, *Der Feind ist Überall: Stalinismus im Kaukasus*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003, 44-57.

³ Хотя сам Гусейнов считает, что этот титул придумали «благодарные потомки». Ч. Гусейнов, *Фатальный Фатали*. Москва: «Книга», 1987, 10.

⁴ *Ibidem*, 10.

⁵ В реальности же - их (народных традиций) реконструкцию или скорее изобретение в новой ситуации постсоветского национализма и постоянно возрастающего влияния разного рода религиозных идей и институтов, не существовавших прежде. Т.е. в те времена, теперь уже воображаемые в духе идилическом и романтическом, когда народ не был «испорчен» модернизацией.

лась популистскими идеями возрождения многих традиций «темноты и неразвитости»⁶, против которых выступали просветители XIX века.

Вопросы, возникающие в этом контексте *полуторавековой* погони за современностью, можно сформулировать из очень разных перспектив. Например, удалось ли на этом очередном, теперь уже постсоветском этапе модернизации и трансформации Азербайджана добиться каких-либо радикальных перемен? Какими были ожидания от этих перемен, и в чем специфика нынешней ситуации?

2. Шансы на модернизацию и трансформацию от авторитарного к либеральному сообществу

Перемены, безусловно, происходили и их нельзя недооценивать. Однако изменения в социально-политической, культурной и прочих сферах не привели к формированию экономически стабильного (в той или иной степени), урбанизированного и индустриализированного общества (классическая теория модернизации). Или к сколько-нибудь заметному проявлению черт возрастающей индивидуализации, фрагментации и текучести социальной жизни (*postmodernity*)⁷. Или к установлению свободного и сильного гражданского общества.

Азербайджанская экономика так и не стала рыночной и держится преимущественно на добыче и продаже нефти и природного газа. Вместо урбанизации можно наблюдать скорее рурализацию городов. В свою очередь, индустриализация закончилась вместе с концом Советского Союза. Сколько-нибудь заметная индивидуализация и фрагментация социальной жизни – это тоже не из истории постсоветского Азербайджана. Все чаще можно услышать от самых разных людей суждения, что нынешний политический режим еще «хуже» или даже авторитарнее советского.

И здесь стоит задаться вопросом: а каковы были шансы для успешного прохождения подобных трансформаций в Азербайджане? Если исходить из наличия очень специфической ситуации, необходимой для формирования *условий свободы*, на которую указывает Эрнест Геллнер (т.е. схожей со сложившейся на определенном этапе в западноевропейских странах), то современное азербайджанское воображаемое сообщество – это продукт двух противоположных традиций, выступающих в качестве исторических соперников свободного гражданского общества.

⁶ Гусейнов, *Фатальный Фатали*, 10.

⁷ Ben-Rafael & Y. Sternberg, "Analyzing Our Time: A Sociological Problématique," in: E. Ben-Rafael & Y. Sternberg (Eds.), *Identity, Culture and Globalization*, 3-17. Leiden: Brill, 2001, 17.

Первая традиция связана с религией абсолютного большинства населения страны – исламом, влияние которого (существенно подорванное в советские годы) теперь быстро растет. По словам Геллнера: «мусульмане [...] оказались не слишком чувствительны к внутренней организации политической власти, и с удивительным безразличием воспринимают сегодня откровенно пристрастные и далекие от щепетильности действия своих правительств. От политиков здесь как будто и не ждут ничего иного»⁸.

Официально Азербайджан – это светское государство. Но оба последних президента, разного ранга чиновники и деятели культуры не упускают случая подчеркнуть, что Азербайджан – это еще и страна с преимущественно мусульманскими традициями и населением. Официальные биографы семьи Алиевых рассказывают в своих книгах о том, какими глубоко верующими людьми в сложные советские годы оставались бывший президент (генерал КГБ и глава компартии Азербайджана) Гейдар Алиев и его сын – нынешний президент Ильхам Алиев⁹. Практически сразу после прихода к власти, летом 1994 года Гейдар Алиев со своим сыном и наследником совершают хадж в Мекку. Ильхам Алиев на своей инаугурации клянется, не только стоя перед текстом Конституции, но и положив руку на Коран.

Власть пытается сохранить контроль над религиозными институтами и идеологией, публично подчеркивая свою приверженность исламским ценностям. И эти усилия понятны, ведь в 2013 году для абсолютного большинства граждан страны быть азербайджанцем значит еще и быть мусульманином. Идентификация большинства с исламом не подразумевает обязательное исполнение даже минимума предписываемых исламом норм и правил поведения. Но это подразумевает отсутствие серьезной оппозиции растущему влиянию исламистов. Главный вызов не в том, что в стране растет численность активных мусульман шиитов или постоянно увеличиваются в численности и расширяют свое влияние группы и сети суннитов салафитов¹⁰. Главный вы-

⁸ Э. Геллнер, *Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники*. Москва: Московская Школа политических исследований, 2004, 33.

⁹ В. Андриянов, Г. Мираламов, *Ильхам Алиев*. Москва: Молодая Гвардия, 2007, 76-77, 190-191, 249-250.

¹⁰ Необходимо подчеркнуть, что говоря об исламе в Азербайджане следует понимать, что речь идет о качественно новом вызове для страны и сообщества, прежде никогда с подобными проблемами не сталкивавшегося. Салафизм пришел в Азербайджан только после распада СССР, точно так же, как и шиизм подпитывается из Ирана, теократическому режиму которого чуть больше трех десятков лет. Как всегда, убежденность многих верующих, что они только возвращаются к своим корням после многих лет советских репрессий, не должно мешать ясному пониманию того, что в стране формируются новые институты, отношения, группы и сети исламистов, соперничающих друг с другом. К сожалению, эти

зов - в отсутствии реальной альтернативы этому постепенно расширяющемуся влиянию исламистов.

Репрессивный аппарат власти рано или поздно потерпит поражение в этой конкурентной борьбе, если в азербайджанском обществе не возникнет широкого и публичного секуляристского движения. Как правого, так и левого толка. Но может ли возникнуть подобное движение в стране, где только несколько интеллектуаллов рискуют публично заявить о том, что считают себя людьми нерелигиозными или атеистами? Активным исламистам противостоят не убежденные и не менее активные антиклерикалы или атеисты, а различные коррумпированные и малоэффективные спецслужбы, сотрудники которых только выполняют приказы. Если однажды по какой-то причине такие приказы перестанут исполняться, станет очевидным, что азербайджанское общество не готово противостоять требованиям исламистов.

Приверженность традиции и исламу (не важно - активная или символическая) для большинства жителей страны выше стремления к борьбе за свои свободы и права. Лозунги свободного гражданского общества для большинства граждан Азербайджана пусты и непонятны. Традиция же приписывать себя к мусульманам жива и привлекательна. Убийство в Баку в ноябре 2011 года публициста и журналиста Рафика Таги, позволившего себе критику в отношении религиозных институтов и иранского теократического режима, обнажило эту проблему. Никакого публичного и широкого осуждения этого убийства так и не последовало. Рискнули заявить о своем возмущении только несколько десятков литераторов, ученых и журналистов. Но ни власть, ни ведущие оппозиционные партии (в том числе, и заявляющие о своей последовательной приверженности идеалам светского и свободного общества) публично протеста не высказали. При этом многие верующие активисты, напротив, выражали свое одобрение подобному способу разрешения споров.

Вторая традиция, на которую указывает Геллнер, рассуждая о соперниках гражданского общества, это марксистская идеология в том виде, как она была реализована в странах советского блока. По словам Геллнера, от марксизма отреклись, «не имея в виду никакой четкой альтернативы. Старым убеждениям люди предпочли вакуум, отсутствие убеждений»¹¹. С этим

процессы остаются пока мало изученными, хотя ряд интересных работ в постсоветский период все же были опубликованы. См., например: (E. S. Cornell, *The Politization of Islam in Azerbaijan*. Washington: Silk Road Way Paper, 2006; S. Bedford, *Islamic Activism in Azerbaijan: Repression and Mobilization in a Post-Soviet Context*. Stockholm: Department of Political Science, Stockholm University, 2009).

¹¹ Геллнер, *Условия свободы*, 50-51.

утверждением можно и поспорить. Альтернативу многие нашли в возвращении к традиции, или, по-другому, в популистском национализме и религии. О последней было сказано достаточно. Что же касается национализма, то в современном Азербайджане представления абсолютного большинства граждан страны об этнической и национальной идентичностях полностью соответствуют дефинициям, утвержденным Иосифом Сталиным. Нация, этничность или этнос (понятия для большинства взаимозаменяемые) – это почва, гены и кровь.

Подобные убеждения не препятствуют тому, что в противоречивой официальной версии постсоветского национализма - «азербайджанстве» или «азербайджанизме» - самым причудливым образом (как и в версии национализмов советских) переплетаются идеи этнонационализма и национализма гражданского. Звучат, например, предложения считать азербайджанцами всех граждан страны. Но и в данном случае речь идет не столько об утверждении равных прав и обязанностей в соответствии с конституцией, сколько о необходимости найти правильное название для доминирующей группы – «титულიйной нации». Последних, по этой версии, нужно отделять от всех граждан-азербайджанцев и называть азери-турками или просто турками/тюрками. Именно эта «титულიйная» группа обладает эксклюзивными правами на владение страной. Все остальные получают права проживания в стране в дар от доминирующей группы.

В этом контексте статусного ранжирования этнических групп, советский конструкт «дружбы народов» заменяется на эссенциалистский миф о «генетической толерантности» азербайджанцев (т.е. турков/тюрков-мусульман), подменяющий собой принципы защиты гражданских прав. Т.е. в стране сложилась межэтническая и межконфессиональная гармония не потому, что все граждане равны перед законом, но по причине уникальной толерантности этноса азербайджанских турков. Таким образом, наследие, приобретенное в русле второй традиции, отражается и в постсоветском официальном национализме, становясь существенным препятствием для формирования свободного гражданского общества.

3. Назад в прошлое – ресоветизация постсоветского Азербайджана

Но что еще важнее, наследие этой второй традиции явно просматривается в специфике современного азербайджанского политического режима. Неслучайно многие последние по времени попытки описания азербайджанского политического режима как авторитарного включают в себя указания на его все возрастающую советизацию. Явные признаки этого возвращения в про-

шлое действительно можно заметить в Азербайджане повсюду. Наиболее очевидным можно, наверное, считать «культ личности» бывшего президента Гейдара Алиева, установившийся еще в годы его правления и расцветающий при его сыне и нынешнем президенте – Ильхаме Алиеве.

Немало признаков советского институционального наследия можно найти и в политическом устройстве современного Азербайджана. За последние 10 лет эти качества режима, как может показаться на первый взгляд, только усиливались. Так называемое клановое устройство власти (или, по-другому, патронажная система отношений)¹² пережило распад СССР и сохранилось при Ильхаме Алиеве. Единственным условным новшеством за последние десять лет стало только усиление роли семьи первой леди Азербайджана – Пашаевых. Парламент республики обладает таким же призрачным влиянием на решения президента или деятельность министров, как и советский Верховный Совет. Преемственность власти от советской к постсоветской модели явно просматривается и в составе высшей бюрократии. Власть создала партию – «Йени Азербайджан», сильно напоминающую компартию. Репрезентации успехов режима во всех областях экономики, культуры и общественной жизни конструируются в духе советских дискурсов неизменно успешного и ударного государственного строительства. Много советского по стилю и практикам можно увидеть в политике памяти, дискурсах преемственности власти и во многом другом.

Но, несмотря на все эти признаки прямой и явной преемственности, было бы неверным сводить специфику нынешнего режима к идее простого продолжения советского в постсоветском. Пока не создана машина времени, возвращение в прошлое невозможно. Преемственность политических режимов, бюрократических и культурных элит, институтов власти, дискурсов в принципе логична и была во многом неизбежна. Но любые попытки описывать современный азербайджанский режим как простое продолжение советского в постсоветском редуцируют наше понимание его специфики. Что важнее, в контексте такого подхода за рамками серьезного анализа остается и вопрос, почему либеральная трансформация политической системы Азербайджана так и не состоялась.

4. Имитация современного государства

В нынешней политической авторитарной азербайджанской системе можно увидеть и немало *постсоветского*. Так, политический режим, при всем своем репрессивном аппарате, не обладает достаточными ресурсами для полного

¹² См. J. P. Willerton, *Patronage and Politics in the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

подавления всех своих оппонентов. При всех трудностях, все же существуют, хоть и с каждым годом все менее влиятельные, оппозиционные партии и движения. Несмотря на все попытки давления и прямых репрессий, оппоненты власти имеют доступ к некоторым масс-медиа (газеты и Интернет). Конечно, с годами режим становится все более репрессивным, но и все менее гибким. Очередной виток давления на оппозиционных интеллектуалов, гражданских активистов и движения начался осенью 2013 года, когда был арестован и осужден на 7 лет тюремного заключения Ильгар Мамедов, кандидат в президенты от движения «Реальная Альтернатива» (ReAl). Весной 2014 года репрессии приняли беспрецедентный для всего постсоветского периода характер. Работа двух десятков НПО была фактически парализована через замораживание банковских счетов. В тюрьме оказались многие видные гражданские активисты, журналисты и правозащитники. Впервые арестованным журналисту Рауфу Миркадырову, директору Института Мира и Демократии правозащитнице Лейле Юнус и ее мужу-историку Арифу Юнус, инкриминировали измену Родине. В тюрьмы были брошены десятки политических оппонентов власти, парламент принимает все более жесткие и репрессивные законы. Президент и его ближайшее окружение все чаще позволяют себе делать жесткие и спекулятивные выпады в адрес ведущих демократий (США, ЕС и др.), публично демонстрируют свое нежелание придерживаться взятых на себя при вступлении в ПАСЕ обязательств по защите прав человека, свободе слова и т.д. Но, несмотря на подобное давление, режим все еще можно публично критиковать и не оказаться при этом в психиатрической лечебнице или в тюрьме. И не потому, что власть не хочет отправить всех инакомыслящих в тюрьмы или лечебницы. А по той причине, что режим не может себе этого позволить.

Рискуно сказать, что одно из важнейших отличий по сравнению с советским прошлым состоит в том, что современный азербайджанский авторитарный режим слаб. Маловероятно, что эта система сможет протянуть семьдесят лет, выпавшие на долю Советского Союза. Нынешний режим может существовать только в тепличной атмосфере высоких доходов от нефти и газа, а также массовой эмиграции работоспособного населения. Современная азербайджанская политическая система лишена динамики, неспособна быстро реагировать и приспосабливаться к постоянно изменяющейся ситуации. Любой сколько-нибудь серьезный вызов (не важно, экономический или политический), который с течением времени просто неизбежен, способен потрясти всю эту систему до основания. И, в конечном итоге, разрушить ее.

В последние годы все чаще можно услышать, что многие процессы или политические и экономические институты на постсоветском пространстве

имитируются. Так, например, имитируется переговорный процесс по карабахскому конфликту. Или – демократические реформы. Или борьба с коррупцией. Имитация – в данном случае удачное понятие. Но его применение кажется ограниченным. В моем представлении, Азербайджан, в плане своего политического и экономического устройства, – это имитация современного государства. Это пример государства-симулятора. Пример тотальной имитации современных политических институтов и отношений. Или, по-другому:

Азербайджанский политический режим представляет собой комплекс имитационных практик, отношений и «институционального камуфляжа»¹³, позволяющий осуществлять широкое международное представительство Азербайджана, приватизированного небольшой группой людей, как реально существующего современного государства.

И главные вопросы, которые следует задавать в отношении такого имитационного социально-политического и культурного феномена, можно сформулировать следующим образом: имеет ли смысл надеяться, что, если и имитационные, но все же создаются современные институты, то рано или поздно они заработают? А также, второй вопрос: стоит ли надеяться на успешную и, главное, мирную трансформацию такой политической системы?

5. Ресурсы для либерализации политической системы

В Азербайджане состоялся политический режим, который за последние десять лет демонстрирует явную тенденцию плавного дрейфа в сторону консервации и усиления авторитарных черт¹⁴. С уходом Гейдара Алиева власть утратила харизматического лидера, который мог позволить себе пойти на некоторые уступки оппонентам, не рискуя при этом растерять весь свой авторитет. Ильхам Алиев, хоть и успешно удерживал власть в последние десять лет, но все более явно демонстрирует отсутствие умения к принятию гибких политических решений. Основная проблема нынешней власти в том, что она сама верит в свою силу, непоколебимость и безнаказанность. Но каждый новый год пребывания нынешнего режима у власти только усугубляет противоречия, накапливающиеся в стране. С каждым новым годом все более реальной становится революция, а не мирная трансформация.

¹³ В кавычках выражение, позаимствованное мною у Геллнера (Геллнер, *Условия свободы*, 47).

¹⁴ В числе различных попыток описания этого режима можно вспомнить, например, работу Марины Оттавей, в которой она пытается осмыслить специфику азербайджанской политической системы как полу-авторитарную (Ottaway 2003, 51-70). Этот концепт, на мой взгляд, изначально неудачный, в настоящий момент наверняка была бы вынуждена пересмотреть и сама автор. Нынешний режим уже далеко не «полу», но полностью авторитарный.

Для последней остается все меньше ресурсов. Наиболее известные оппозиционные политические партии находятся на грани того, чтобы растерять весь свой еще нерастроченный авторитет. Сама оппозиционная деятельность по целому ряду причин становится такой же наследственной и клановой, как и властный режим. И остается надеяться только на ряд факторов, которых может быть недостаточно в ситуации возможной смены власти.

Прежде всего, близость с Евросоюзом и США все же вынуждает власти идти на определенные уступки. Азербайджанский режим нуждается в признании со стороны ЕС и США, чтобы как-то уравновешивать давление России и Ирана. Политическая элита, в принципе, предпочитает жизнь на «Западе» жизни на «Востоке». Дети владельцев страны отправляются в Европу и США на учебу и на отдых, приобретают собственность, хранят деньги. В результате, хоть и в имитационной форме, очень медленно и противоречиво, но все же реализуются какие-то либеральные проекты.

Сохраняется надежда и на трансфер либеральных ценностей в страну через молодых людей, получивших образование и приобретших опыт жизни в странах с развитым гражданским обществом. Сохраняется еще шанс, что они смогут приобрести значительное влияние в стране, создавая разного рода группы или сети выпускников западных университетов, стремящихся к либеральным реформам.

Президент и члены его ближайшего окружения все чаще совершают ошибки и допускают серьезные промахи, превращая в своих оппонентов влиятельных и известных интеллектуалов, способных придать оппозиционному движению новую энергию.

Наконец, развитие разного рода социальных сетей, все большая доступность информации через Интернет, с каждым годом все более заметно ограничивает способность властей контролировать обмен информацией и критику в свой адрес.

Остается надежда на то, что в своей совокупности эти факторы все же помогут совершить мирную трансформацию. Однако, с каждым новым годом существования нынешнего режима эта надежда становится все более призрачной.

6. Туманное будущее

Любая революция, направленная на смену режима в таком разобщенном, сегментированном обществе, в которое превращается современный Азербайджан, может легко перерасти в нечто худшее. Например, в гражданское противостояние, схожее с тем, которое мы наблюдаем сейчас в Сирии. Пока режим сохраняет контроль над страной, он умело противостоит любым по-

пыткам либерализации системы со стороны различных сетей и объединений, придерживающихся демократических норм борьбы. Но справиться с другими группами и сетями, членство в которых также основано на авторитарных традициях, оказывается гораздо сложнее.

Рано или поздно азербайджанский наследственный режим начнет рушиться. Что он оставит после себя? Как и в Сирии, крайне разобщенное и ослабленное либеральное секуляристское движение. И, напротив, выросшие в численности и закаленные давлением со стороны власти группы и сети в той или иной степени радикальных шиитов и суннитов. Соседство с Северным Кавказом и Ираном позволит получать необходимую поддержку. Возможный политический конфликт между шиитами и суннитами-салафитами может дополниться этническим фактором. Лезгины и аварцы по преимуществу сунниты, и в этой среде быстро распространяется салафитская идеология. Разрушаясь, режим оставит после себя относительно слабые, но многочисленные и коррумпированные армию и силовые структуры, а также значительную массу накопленных вооружений. Конфликты внутренние могут дополниться новым обострением бесконечного противостояния с Арменией.

Этот ряд аналогий с Сирией, где наследственный президент и режим довели страну до гражданской войны, можно было бы легко продолжить. Но, безусловно, речь идет о наиболее драматическом из возможных вариантов развития событий. Совершенно точно можно утверждать только то, что если власть доведет страну до революции, то послереволюционный режим будет таким же, а возможно и еще более авторитарным, чем нынешний.

В недалеком будущем азербайджанское сообщество может столкнуться с очень серьезными вызовами. И остается только мечтать о том, чтобы в процессе очередной неизбежной трансформации удалось избежать крайностей гражданского противостояния.

Summary

Questions arising in this context of *150 years* of pursuit of modernity can be formulated based on many viewpoints. For example: Were any radical changes achieved in this latest round of modernization and transformation of Azerbaijan, this time at the post-Soviet stage? What were the expectations linked to these changes and what are the specific features of the current situation? Changes definitely took place and they cannot be underestimated.

However, changes in the social, political, cultural and other spheres failed to shape an economically more or less stable, urbanized and industrialized society (according to the classical theory of modernization), the more or less tangible features of increasing individualization, fragmentation, and fluidity of social life (postmodernity) or the emergence of a free and powerful civil society.

The Azerbaijani economy failed to become a market economy, and remains instead predominantly based on the extraction and sale of oil and natural gas. Cities are being ruralised instead of the urbanization of rural areas. In its turn, industrialization ended together with the Soviet Union.

A more or less tangible individualization and fragmentation of social life are not part of the history of post-Soviet Azerbaijan either. You can increasingly often hear from very different people that the incumbent political regime is even “worse” or even more authoritarian than the Soviet regime. It is worth asking a question here: What were the chances of success for such a transformation in Azerbaijan? Ernest Gellner pointed to very specific conditions necessary for shaping the *conditions of liberty* (that is, conditions similar to those that took shape in Western European countries at a certain stage). Taking them into account, we will see that the current imagined community in Azerbaijan is a product of two opposed traditions that are historical rivals of free civil society.

The first tradition is linked to the religion of the absolute majority of the population of the country – Islam, whose influence (substantially undermined in the Soviet times) is now quickly growing. The second tradition Gellner pointed to, when discussing rivals of civil society, is the Marxist ideology in the form it was implemented in the Soviet Union.

The political and economic systems of Azerbaijan are an imitation of a modern state. It is an example of a simulacrum state and a total imitation of modern political institutions and relations. In other words: *The political regime in Azerbaijan is a complex of imitative practices, relations and “institutional camouflages” that enable a broad international presentation of Azerbaijan, effectively privatized by a small group of people, as a modern state that exists in reality.* The main questions that should be posed about such an imitational socio-political and cultural phenomenon can be phrased in the following manner: Is there any sense in hoping that if modern institutions are established, even if they are imitational, they will sooner or later start functioning? And another question may be as follows: Is it worth cherishing hopes that such a political system will be transformed successfully and, most importantly, peacefully?